

39. ЗР/7
4 32

Е. ЦЕЙТЛИН

Свет не гаснет

о В. Ворошилове

Я стал думать о нем, не поняв однажды логики его поступка. Мы были знакомы давно: казалось, я хорошо знаю Владимира Сергеевича. Но вот услышал: он отказался от операции. Операция могла вернуть ему зрение.

Зрение было потеряно почти сорок лет назад. И все эти годы он больше всего мечтал увидеть краски мира. Мечта о свете была для него поводырем, если можно так сказать о мечте. И Ворошилов уверенно шел по жизни. Когда он стал писателем, детская, упрямая жажда видеть определила даже названия его книг: «Солнце продолжает светить», «И не потускнет!», «Капля света».

Раньше операция казалось невозможной — была не готова медицина. Ворошилов следил за новейшими исследованиями в области глазной хирургии, сам предсказал, когда, наконец, ему скажут: можно. И вот теперь...

Я спросил его: «Почему?» Он помедлил и ушел от прямого ответа: «Да все ведь решено несколько лет назад. В моей новой книжке есть даже схожая ситуация».

Я не сомневался: это не отговорка. Он не умел лукавить. Я читал его романы и прежде, знал: они пользуются популярностью, издаются и у нас в стране, и за рубежом. Но теперь перечитал книги Ворошилова иначе. И спать убедился: в произведениях писателей часто кроется разгадка судеб их творцов.

Не хочу заинтриговывать читателя: это вовсе не рассказ о подвиге и героизме. Конечно, жизнь потребовала от Ворошилова немало мужества, но он сам всегда считал: это был прежде всего поиск обычного человеческого счастья. По-моему, он был прав. Так что, думая о Ворошилове, давайте подумаем и о себе.

ДВЕ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ВОРОШИЛОВА

1

Свою жизнь он разделил на две части: первую и вторую. Сказал мне как-то: «Первая жизнь была короткой, я ее плохо помню. Вторая уже в два раза длиннее».

Первая жизнь началась в 1919 году в городе Ленинске-Кузнецком, где он родился. Закончилась осенью сорок первого — после ранения, навсегда лишившего его света. Первая жизнь продолжалась всего двадцать два года.

И все-таки: какой она была? Я упорно пытался понять это, настойчиво возвращаясь в разговорах с Ворошиловым к одним и тем же эпизодам и фактам. Но все было бесполезно. Наконец, я понял: первая жизнь Владимира Сергеевича была не просто очень далекой для него — она была ему неинтересной. Хотя, конечно, вспоминая первую жизнь, он испытывал нежность к ушедшим дням: это естественная нежность человека, оглядывающегося в молодость.

В той жизни были маленькие городки и поселки Кузбасса, куда семья переезжала вслед за отцом, почтовым работником. Больше других запомнились мальчику Мыски — тогда обычная шорская деревня. Во второй половине дома, где они жили, была почта. Володя своеобразно видел чужую, взрослую жизнь —

рядом с почтовым оконечком: чью-то одинокую старость, чью-то радость, любовь, всегда внезапно приходящую — вместе с телеграммой — смерть.

Сразу за деревней начинался лес. Его березы, ягодные поляны снились ему потом в цветных снах. Володя выучил шорский язык. Увлекся, как многие тогда, радиотехникой. Дружил с девочкой Клавой. Они походили друг на друга, и нередко приезжие спрашивали: «Вы не брат и сестра?» Когда они познакомились, ей было девять лет, ему — десять; они не поссорились, не надоели друг другу — за два года передвойной поженились. Окончив школу, Владимир Сергеевич работал сначала воспитателем в детском доме, потом учителем начальных классов.

Война началась для него рано — в тридцать восьмом: в авиационном училище на Дальнем Востоке, в летнем полку, где потом служил Ворошилов, говорили о большой войне как о чем-то бесспорном, только никто не знал точно — когда?

Что было еще в той, первой, его жизни? «Так, лирика...» Играли в драмкружке, особенно почему-то удавались роли купцов в пьесах Островского. Писал стихи — «глупые, сопливые». Мечтал — видел себя в будущем то Качаловым, то Есениным, то знаменитым воздушным асом, то архитектором.

Он был еще мальчишкой, самым молодым летчиком полка. А в Кузбассе уже росла его дочь, мыкалась по частным квартирам Клава, занималась в учительском институте, потом проверяла ночами тетрадки первоклассников. Песни под гармошку или гитару (он уже тогда умел играть почти на всех музыкальных инструментах); усиленные занятия спортом; затем, с начала войны, письма: «...люблю вас обеих, скучаю, отомщу врагу за нашу тоску»; ни с чем не сравнимое ощущение полета...

Песни остались — он любил петь до самой смерти.

- Письма пропали в жизненном вихре.
- Полетов было не так много, как хотелось — последний тридцатого сентября сорок первого.
- Была ли та жизнь или только приснилась? Есть люди, которые любят возвращаться в прошлое, перебирают его, точно фотографии в старом альбоме. За годы, которые потом минули, у Владимира Сергеевича было мало времени на воспоминания. Фотографии для него выцвели рано.

2

В госпитале Ворошилов чувствовал себя счастливым. Я удивился, первый раз услышав от него об этом. Он негромко повторил то изумившее меня слово: счастье.

Рядом с Ворошиловым в палате лежал человек, лишившийся рук, ног, зрения. Сосед говорил мечтательно: «Мне бы хоть два пальца...» Таких искалеченных войной ребят в госпиталях было много; просто, жалея наши нервы, их не показывали в тогдашних мажорных фильмах. Про свое ранение Владимир Сергеевич думал с радостью и стыдом: легкое...

Горечь пришла потом. В сентябре сорок второго Ворошилова вывели из поезда на перрон в Новокузнецке; к нему бросилась Клава. А он понял, что никогда не увидит ее родное лицо.

Сначала жили большой семьей в двух комнатах: родители, два брата, сестра с ребенком, они с дочкой. Затем поселились отдельно. С болью, однако решительно, навсегда Клава оставила работу и на многие годы стала для него всем — не только любимой, другом, но и секретарем, стала его глазами. Это был негромкий подвиг любви. Но об этом надо писать отдельно.

Он решил стать писателем. И хорошо понимал: писательству, как и всему на свете, надо учиться. За

несколько лет они прочитали почти всю мировую классику. Еще шла война. Они прерывали чтение, когда по радио передавали сводки Совинформбюро. Жили на пенсию Владимира Сергеевича — экономно и дружно. Дни казались похожими. Но они хорошо видели движение жизни: росла дочь. Каждый вторник прохожие смотрели, как молодая женщина ведет слепого военного во Дворец культуры металлургов. Там собиралась литературная группа. Рядом сидели разные люди, одинаково влюбленные в литературу: школьники и старый шорский сказитель, медсестра из госпиталя, рабочие, журналисты, инженеры, геологи.

Быстро, спеша утвердиться в новом призвании, Ворошилов написал несколько рассказов из фронтовой жизни. Рассказы были плохие, хотя их и напечатала районная газета — скорее всего из-за нехватки материалов и из сочувствия к автору. Еще быстрее он сочинил пьесу. Пьеса была тоже о фронте и тоже слабая. Перепечатывали, волновались, гадали, куда отослать, вместе шли на почту, послали почему-то не в театр, а в Новосибирское издательство, каждый день ждали потом почтальона, верили и не верили в удачу. Спасибо рецензенту: он сказал правду. Не оставил от пьесы и камня на камне. Но жалость была бы обиднее. Они страдали, скрывая это друг от друга, но оба жили надеждой.

3

...Он не писал десять лет. Жажда творчества никуда не ушла, только он решил подождать. Рано или поздно вдохновение возвращается к человеку — если не бояться ожидания.

Как жил он эти годы? О чем думал?

В сорок пятом Ворошиловы переехали в Кемерово — Владимир Сергеевич стал председателем областного

правления Всероссийского общества слепых. Он погрузился в жизнь, которой раньше не знал. И жизнь эта стала переделывать Ворошилова, а он в свою очередь начал перестраивать ее. Если сказать коротко, это и определило темы его романов.

Нет, их не назовешь автобиографическими в привычном смысле слова. Главный герой Ворошилова Сергей Томилов — горный инженер, он потерял зрение во время аварии в шахте. А Ворошилов спускался в шахту всего несколько раз, — когда писал свою книгу. Конечно, ему читали учебники по горному делу; чтобы проверить себя, он даже упросил преподавателя техникума принять специальный экзамен. И все же...

По-моему, мало похожи друг на друга невеста, а затем жена Томилова, Аня, и Клавдия Антоновна Ворошилова.

Схожим однако было другое — главное. Я думаю сейчас не о сходстве лиц, но о сходстве характеров, наблюдений, — об энергии преодоления человеком самых горьких обстоятельств. Этой энергией была наполнена и жизнь героев, и жизнь автора книги.

Снова думаю и о другом: почему его слово было услышано, понято тысячами людей?

Проще всего говорить о художественных достоинствах книги, но я, к примеру, легко вижу, что Владимир Сергеевич не был мастером слова — в том смысле, какой изначально вкладывается в это понятие; был скорее журналистом, торопившимся быстрее сказать о волновавших его проблемах. Вижу и некоторую прямолинейность психологического анализа в его романах. Пушкин писал, что произведения каждого художника нужно судить по законам, им самим над собой признанным. У Ворошилова эти законы обнажены. Перед нами книги-проповеди. Книги, дающие урок и созданные ради этого урока.

ПИСЬМА

Все эти годы к нему приходили письма. Я получил разрешение познакомиться с ними, но читал долго: больше десяти-двенадцати в день осилить не мог. А писем было несколько тысяч.

Тот, кто знает, что такое писательская почта, легко представит и корреспонденцию Владимира Ворошилова.

Пионеры сообщали, что зачислили его в свой отряд и приглашали на сбор.

Девушка-десятиклассница спрашивала о том, как стать писательницей или хотя бы журналисткой.

Двадцатилетняя секретарь-машинистка из Актюбинска интересовалась: «Живы ли Сергей Томилов и Аня Тихова, где они теперь?»

Кстати, таких писем было много. Читатели, не сомневающиеся в том, что автор изобразил конкретных людей, посыпали запросы в адресный стол, а старушка из украинского города Конотоп — Анфиса Зиновьевна Немолот — даже пригласила Сергея и Аню провести у нее отпуск.

Впрочем, кое-кто, разуверившись в жизни, высказывал недоверие к литературным героям. «У меня сомнения,— писал студент Виктор из Астрахани,— есть ли в действительности такие люди? По-моему, роман выдуман для поддержания неуравновешенных».

Читательские письма имели и еще одну, тоже характерную, повторяющуюся особенность: люди говорили о пережитом, о собственных чувствах, но, не находя своих слов, выражались чужими, ставшими избитыми штампами.

Но были среди писем и такие, какие мог получить только Ворошилов. Вот некоторые из них.

«Здравствуйте, уважаемый Владимир Ворошилов! Извините, что так вас называю, но я не знаю Вашего отчества. Я прочла Вашу книгу «Солнце продолжает

светить», с первой же страницы она захватила меня. Я завидую Вашим героям. Попробую объяснить, почему. Хотя никогда не писала писем писателям и долго колебалась, писать ли Вам.

Я не слепая, но тоже инвалид. У меня нет обеих ног, хожу я на протезах. Хожу мало: стесняюсь, когда на меня смотрят, очень не люблю, когда меня жалеют. Я попала под поезд в двадцать лет. Образование мое в то время было восемь классов. После ампутации я встала на протезы, снова пошла работать (и до того, как потеряла ноги, и после я работала в ателье). Но, проработав немного, решила учиться. Я поступила на заочные курсы иностранных языков в Москве, приняли меня с условием, что я закончу 10 классов. За один год я закончила 9-й и 10-й классы вечерней школы. Но курсы вскоре оставила. С детства я мечтала быть врачом, когда же осталась без ног, моя мечта еще более разгорелась, я захотела делать протезы таким, как сама, ведь здоровый врач-протезист не чувствует того, что чувствует инвалид. Но при попытке поступить в наш Куйбышевский медицинский институт все рухнуло. Корпуса института разбросаны по городу, я физически не могла успеть на занятия. Затем я вышла замуж, тоже за инвалида, у него не было одной ноги. Родился сын, сейчас ему уже исполнилось три года. Первое время он отнимал у меня все свободное время, но я не жалела, мне казалось, что я буду растиль сына, буду этим довольна и спокойна. Но нет, всегда сидеть дома я больше не могу, меня тянет к людям. По-прежнему большое желание учиться, но нужно работать, моей пенсии мало, чтобы прокормить себя и сына (с мужем мы разошлись, и он не помогает мне, пьет). Для чего я пишу Вам обо всем этом? Душа просит высказаться, и вот сейчас я разговариваю с Вами. Ведь я всегда одна: кроме сына, матери, которая живет со мной, и соседей, я ни с

кем не общаюсь. Хорошо Вашим героям, и в особенности Томилову: столько у него хороших, верных друзей. С друзьями жить легче, а у меня их нет. Все мои друзья и подруги детства в деревне, где я родилась и жила. А в городе я восемь лет, и почти все восемь лет без ног. И без друзей. Работала я всего двадцать дней, а потом попала под поезд, мне дали комнату и давно забыли про меня. Я не обижаюсь. Но все равно: быть всегда одной — это мучительно.

Ну вот и все, я кончу свое письмо вам, и мне кажется, что вы где-то за стенкой, сейчас выйдете и что-то посоветуете мне. Впрочем, после написанного я не чувствую радости, мне хочется плакать. А правда, что Ваши герои живут рядом с вами?

Марина Б-а».

«Владимир Сергеевич, здравствуйте! Пишут Вам Женя и Нина Ё-вы из Казани. Сегодня прочли Вашу книгу «Солнце продолжает светить». У нас тоже горе, Женя (ему двадцать пять лет) потерял зрение: у него была опухоль головного мозга, опухоль удалили, но Женя перестал видеть. Мы живем дружно, у нас есть сын, Женя чувствует себя хорошо, но все равно ему трудно, трудно и мне. Но не падаем духом, надеемся на лучшее. Ну, а как Сергей, где он сейчас? Напишите нам, мы будем ждать. Напишите, как живете Вы и как лучше жить нам. С приветом

Нина».

«Дорогой Владимир Сергеевич! Только что прочел Вашу книгу «Солнце продолжает светить». Не дочитал, а именно прочел. Уже три часа ночи, но я пишу Вам письмо. Ваша книга попала мне на глаза сегодня вечером. Если бы не она, я бы не знал о Вашем существовании. Простите меня. У меня такое чувство, будто я сделал что-то полезное. Да так оно и есть. С помощью Вашей книги я побывал в мире незрячих людей. Я здоров. До сих пор считал, что потерять

зрение — значит потерять все. Потерять жизнь. Раньше всегда при виде слепых во мне вспыхивала жальство к ним. Теперь я буду просто уважать их. Я сейчас закрываю глаза, хочу поставить себя на Ваше место. Нет, мне страшновато. Это плохо? Я студент физико-технологического факультета Томского университета, но пришел сюда из шахтерской среды. Работал в г. Артеме. Был дежурным по лентам, проходчиком.

Александр Е.»

Из письма в издательство: «Книга В. С. Ворошилова придала мне сил и уверенности, что и я не лишний в жизни человек. Я в раннем детстве потеряла слух, а зрение потеряла в тяжелый 1943 год, работая на заводе, как и Сергей Томилов, в результате несчастного случая.

Е. А.»

«Здравствуйте, Владимир Сергеевич! Я прочитала Вашу книгу «Солнце продолжает светить». Я ученица 4 «а» класса восьмилетней школы № 16 города Киселевска, зовут меня Нина. Когда я читала книгу, то переживала за Сергея Томилова. Нашу семью тоже постигло несчастье. Несчастье настигло нашего папу. Он сломал позвоночник. Когда папа лежал в больнице, врачи говорили, что он будет жить, но будет инвалидом. Мы и этому бы были рады, если бы наш папа был инвалидом, но был бы жив. Папа умер на шестой день после операции. И сейчас, когда увижу кого-то на костылях, я думаю, что папа тоже так бы ходил. Если бы папа остался жив, я бы всегда ему помогала. Теперь без папы трудно и грустно. У нас семья четыре человека. Бабушка, мама, сестренка Наташа и я. Спасибо Вам за книгу. Читая, вспоминала папу».

«...Недалеко от нашего дома стоит большое серое здание — здесь живут слепые. Очень часто я прохожу их до автобуса и обратно. Мне всегда было их

жаль: ведь они не видят солица, цветов, людей, а сейчас я поняла, как унизительна эта жалость. Я по-новому взглянула на тех людей, я узнала, как сильны они. Поняла и то, какое мужество требовалось для того, чтобы пережить все и написать потом книгу.

Антонина Р-ва,
Ташкент».

Я оборву читательские исповеди — авторы писем начинают повторять друг друга. Это звучит кощунственно: никогда не повторяется человеческая боль, не повторяется и человеческое горе, но всегда похожи наши рассказы об этом.

Кто писал Владимиру Сергеевичу?

Один читатель из Новосибирска провел целое исследование, выясняя «аудиторию» Владимира Ворошилова. Он опрашивал посетителей библиотек, знакомых. Оказалось, произведения эти читали разные люди: научные работники, школьники, профсоюзные активисты, домохозяйки, женатые и холостые, здоровые и больные. Было ясно: не прав астраханский студент — романы Ворошилова писались вовсе не для «поддержания неуравновешенных».

Хотя нет, потом я понял: отчасти и для этого. Конечно, литература не похожа на болеутоляющее лекарство. Но литература пишет о жизни. А сама жизнь есть и трагедия, и счастье одновременно. Объясняя суть трагедии, эстетики приводят пример с зерном, которое закапывают в землю. Оно умирает, гибнет, но затем возрождается, прорастает по весне зелеными всходами. Крушение и возрождение человеческой души — это не исключение, скорее — правило жизни. Вот истина, которую напоминает своими книгами Ворошилов. Она по-своему прозвучала и во многих пришедших к нему письмах. Зачем я привел их? Разуме-

ется, не для того, чтобы кого-то «попугать» или «разжалобить». По этим письмам видно: автор достиг цели. Одни его читатели, оторвавшись от собственных бед, оглянувшись вокруг, увидели несчастье других. И своя боль отошла, затихла. Иные, пока еще не знающие горечи жизни, поняли: возможны усталость, отчаяние, и надо ценить каждый данный тебе день; все может вдруг кончиться, все рано или поздно кончится...

Тут логично поставить точку в послесловии к чужим письмам. Но, возвращаясь от разочарований и горя к надежде, идя по ее шатким мосткам, человек не перестает задавать вопросы. Как прийти к счастью? И в чем оно? «Жить, чтобы жить?» Эта распространенная в быту «формула» лишь на первый взгляд кажется емкой. В конце концов, она не отвечает на сомнения, а порождает их...

ПРОЗРЕНИЕ

1

Писателей трудной биографии часто сравнивают с Николаем Островским. Не убежден, что это всегда правомерно. Но в данном случае сравнение оправданно. Я ставлю рядом две человеческие судьбы, сознавая разницу в их масштабах и разницу во времени.

Вот что написал об итоге жизни Николая Островского критик Л. Аннинский: «Его судьба была словно очищена от случайностей. Она удивительно точно выявила свой смысл, удивительно ясно воплотилась. Его судьба содержала в себе великий исторический урок, и он знал это.

Прожитой им жизни суждено было прогреметь на весь мир. Нужно было только записать ее. Записать

так, как она была прожита: вихрем, скачками, стальной вибрирующей прозой¹.

Островский понимал значительность и самоценность собственной жизни, видел в ней портрет поколения, к которому принадлежал. Потому и взялся за перо. Ворошилов же не находил в своей судьбе ничего особенного. Он стал писать не только и не столько потому, что хотел зафиксировать пережитое. Он всегда мечтал стать литератором. И стал им, найдя в жизни такое, о чем считал важным поведать всем.

Но в одном их судьбы схожи, как схожи своим пафосом и книги: оба писателя рассчитывали на урок. И — преподали его.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...», «жизнь прекрасна,— как бы добавляет Ворошилов.— Слепота не должна затмить вечную радость бытия». Урок, как мы помним, был очень нужен многим.

Почему нам часто кажется, что все происходящее с нами — впервые? А ведь все уже было. И уже множество раз приходило к людям горе. И негромко, но требовательно, властно стучалось в окно одиночество. Одиночество и бездействие ломают даже сильных людей, прямо говорит Ворошилов.

Вчера еще Сергей Томилов — начальник участка шахты. Он строит планы. Его пьянят предстоящие завтра дела. Сегодня, после аварии, он другой.

Бот герой романа лежит в больнице. Впервые подняв повязку, он видит густую тьму. Естественные мечтания души. Отчаяние. Равнодушие. Надежда на счастливый случай, который возвратит ему зрение... Потом уставший мозг отключается. Короткий сон — в

¹ Л. Анинский. Тридцатые-семидесятые. Литерат.-критические статьи. М., Современик, 1977, с. 55.

него падаешь, как в пропасть. Наконец, неизбежное пробуждение, неизбежность истины: слепота. Навсегда.

А вот он уже в своей комнате в общежитии. Слышит звуки, которые, кажется, сводят с ума. Где-то вдали работает шахта. Смеются идущие на смену люди.

Ворошилов не боится описывать эту ситуацию. Не боится поведать об одиночестве и беспомощности молодого сильного мужчины.

Опрокинул стакан с чаем. Вместо одеколона после бритья вылил на себя чернила. Иногда это вызывает смех. Иногда — спазмы в горле.

Он стесняется посетителей. Легче и проще всего отношения Сергея с телефонной трубкой. «Слушая и отвечая, он забывал о слепоте, как бы уравнивался с собеседником — ведь и тот не видел его».

А еще его изнуряли сны. Во сне он был зрячим: «По узенькой тропинке через ослепительно белое снежное поле, на котором почему-то росли красные и лиловые цветы, к нему навстречу шла... Нет! Это снилось ему прошлой ночью. Он еще свернулся тогда с тропинки и, увязая в снегу по колено, щурясь от блеска, торопился нарвать для Ани красных цветов, минуя лиловые... И когда он в очередной раз нагнулся, высокий лиловый цветок больно хлестнул его по глазам... Вновь поплыло багровое пламя...»

Во сне краски резки, контрастны. В конце концов, болезненно невыносимы.

Сергей Томилов не раз сам вспоминает об Островском. Но чужой пример не помогает, если ты не в ладу с собственной душой. Тогда чужая трагедия, похожая на твою, — лишь слова. Обычные слова из учебника.

Имя Островского в романе впервые произносит работник районного отдела социального обеспечения Трошин.

«— Пришел оформить пенсию, а главное — поддержать дух,— скажет он.— Человек, попавший в беду, нуждается в заботе. Ты, конечно, знаешь о Николае Островском. Сколько ему нужно было мужества, самоотверженности, чтобы бороться за жизнь. Ты вдумайся хорошенько, вдумайся в то, как этот замечательный герой со здоровьем тоньше папиросной бумаги создал такие прекрасные книги.

— Я писать не могу...

— Разве только в писательстве заключается выход?.. Писательство не спасательный круг... Не умирать же теперь! Смерть сама придет, не торопись.

— Я и не тороплюсь. Но... чего вы хотите от меня?

— Нужно пройти комиссию, чтобы определить группу инвалидности. Потом оформим пенсию... Может, за тобой некому ухаживать, тогда мы тебя, браток, устроим в дом инвалидов.

— Дом инвалидов?! Только этого не хватало! Я не нуждаюсь в ваших благодеяниях! Уходите!..»

Трошин не сказал ничего обидного. Он проявляет заботу искренне. Хотя и по долгу службы.

Томилову кажется, что более всего его тяготит неспособность к полноценной жизни. «Кто я, кто? — спрашивает себя Сергей.— Инженер Томилов? Нет инженера! Умер инженер! Осталась только тень... Кто я? Слепой!.. Какое счастье быть человеком! А разве я — человек?.. Я простейшая органическая клетка, способная только ощущать...»

На самом деле его больше угнетает другое: он не такой, как все. Никогда уже не будет чувства общей работы, общей радости, общего веселья. Он теперь одинок среди людей. И этот круг не прорвать.

Унизительным кажется стремление убедить его в том, что он кому-то нужен. Друг — Николай Улагашев — захочет прийти работать в шахту на участок Томилова, скажет:

— Я, брат, решил принять его по праву наследства... А ноша-то, может, не по плечу, так что твоя помощь потребуется...

— Ты брось эти педагогические подходы! — неожиданно зло прервет Сергей.— Макаренко из тебя хреновый, понял?

Он одинок. Как бы хорошо к нему ни относились, никто до конца не поймет его. Даже при желании никто не поменяется с ним местами. Будут жалеть. Только жалость — это не понимание. Жалости не хочется более всего. Вот и любовь Ани — лишь благородство, самопринуждение. Но рано или поздно он будет ей в тягость. Не может любовь держаться на одной жалости. Не может и дружба питаться только воспоминаниями о былом.

Что же вернет Сергея Томилова к жизни?

Однажды он поймет, что не одинок в своем несчастье. На свете живет около пятиадцати миллионов слепых людей. И жизнь, действительно, не окончилась для них.

2

Сергей Томилов, как и когда-то сам Ворошилов, попадает в незнакомый ему мир. Сначала этот мир кажется странным, потом — очень интересным. Наконец, человек перестает давать оценки — он просто живет.

По-разному воспринимают слепых окружающие. Большинство сострадает им. Иные пугаются. Некоторые загадывают: не дай бог, чтобы со мной так... Кое-кто не обращает внимания... А мастер Илья Поляков, прия работать на предприятие слепых, считал вначале, что «попадет к умственно ограниченным людям». Человек не видит, думал он, значит «у человека не

может быть ни правильных понятий о жизни, ни логики в суждениях».

Между тем слепота с древности настигала многих. Слепыми, к примеру, были и гениальный Гомер, и великий арабский поэт аль-Маарри — слепота не только не помешала им сказать свое слово, может быть, напротив, помогла сосредоточиться на главном.

Конечно, менее всего тут нужна идеализация.

Есть известная картина Питера Брейгеля Старшего, которая так и называется — «Слепые». Шестеро незрячих нищих идут по селу, держась друг за друга. Они не знают, что рядом — обрыв. Вот уже упал вниз первый. На лицах остальных — недоумение. Кругом тишина, покой. Только на этих шестерых обрушилась беда.

Картина, которую исследователи считают самой мрачной у Брейгеля, воспринимается как символ. Горький символ отверженности.

В книге А. М. Кондратова «Восстановление трудоспособности слепых» я встретил две поразившие меня цифры: до революции в такую пропасть падали многие — из 300 тысяч слепых работало меньше пяти сот человек; остальные шли на пантерь, становились бродячими музыкантами, гадали — с помощью морских свинок и попугаев открывали другим их судьбу, но не загадывали свою.

Теперь в нашей стране символ обрыва при слепоте наполнен другим смыслом. Не стоит лгать: слепота не перестает быть трагедией. Но в «обрыве» попадают только те люди, которые теряют в горе самих себя.

Став незрячим, Ворошилов, как и его герой, вспомнил слепого, встреченного когда-то в поезде. Старое пальто, из-под которого видна рубашка без единой пуговицы. Шляпа с надорванными полями. Темные очки. Безыскусная, едва ли не пошловатая песня:

Вглядись — пойми, товарищ зрячий,
Не я дорожку выбрал ту...
С душою нежной и горячей,
Я осужден... на темноту.

На бледном, давно не бритом лице нельзя было прочитать ничего, но гитара звучала тревожно. Тревога усилилась, когда в ответ на предложенные деньги человек снова запел:

Сегодня, милые, совсем не по погоде
Стремление к дешевому добру,
Я пел себе, при всем честном народе,
Я трезв и зол и — платы не беру!..

И Владимира Ворошилова, и Сергея Томилова от обрыва, пропасти спасла работа. Хочу выделить это слово, которое так любил Владимир Сергеевич,— работа!

Конечно, труд труду рознь; бывает работа, которая превращает человека в муравья, принижает и нивелирует личность. Ворошилов имел в виду другое.

«...Нет большего блага, чем радоваться своим делам», — напомнил он однажды Экклезиаста.

Томилов приходит в общество слепых. Конечно, и тут — свои проблемы, свои острые вопросы. Ворошилов менее всего романтизирует картину — он пишет и о карьеристах, и о пьяницах. Владимир Сергеевич не раз вспоминал тяжелое чувство, возникшее у него после знакомства с предприятием, где когда-то трудились незрячие. Эта горечь появляется и у читателя: привычной, приевшейся человеческой тоской веет от тех страниц романа «Солнце продолжает светить», где описываются смрадные будни пимокатной мастерской. Здесь-то и начинает директорствовать Сергей Томилов.

Страницы книги перевернуть легче, чем страницы жизни. Идет время, вот уже нет маленькой мастерской

с затхлым воздухом, вечно пьяными рабочими. Есть новые цехи, современное оборудование, а главное — есть люди, побеждающие свою беду и судьбу.

Романы Ворошилова выделяются в довольно большом потоке произведений, герои которых пытаются преодолеть невзгоды, тот или иной недуг. Как правило, в центре таких произведений одна, пусть и яркая, личность. Перед читателями книг Ворошилова одновременно проходит много жизней и судеб. Люди, лишенные зрения, объединены здесь в содружество, в коллектив.

Я вспоминаю сейчас Макаренко, его «Педагогическую поэму», мудрый опыт, который, к сожалению, нередко впоследствии «оказенивался», вульгаризировался. Конечно, на первый взгляд, наивно сравнивать взрослых, потерявших зрение людей и подростков-беспризорников. Но и то, и другое произведение можно отнести к жанру воспитательного романа. И тут, и там один и тот же принцип «выпрямления» человеческого характера. Через труд, через коллектив.

Да, многих героев Ворошилова «выпрямляет» работа — она придает смысл их существованию, она диктует человеку ритм, а затем и образ его жизни. Я думаю не только о таких персонажах, как бывший спекулянт Арский, ставший со временем преподавателем школы восстановления трудоспособности слепых. Я думаю и о Томилове — именно работа в конце концов формирует эту яркую незаурядную личность.

Разумеется, не может быть «игры» в работу. Гуманность дела не противоречит его серьезности. Владимир Сергеевич сознавал это. В романе «Капля света» читатель найдет примечательный эпизод. Одно из предприятий общества слепых выпускает устаревшую продукцию. Заказчики не ропщут — просто выкидывают часть не нужных им деталей. Заказчики помнят: речь идет о слепых, которые трудятся на четко

отлаженных конвейерах, хорошо зарабатывают... От них долго скрывают истину. Но именно незрячие в конце концов протестуют против того, что их «труд превращается попросту в мусор».

Знаю, кое-кто, прочитав произведения Ворошилова, скептически воскликнул: все это похоже на сказку, автор — мечтатель и явно выдает желаемое за действительное. Но в данном случае литература легко «проверяется» жизнью.

Скептик может совершить экскурсию на одно из многих предприятий общества слепых. Я начал такую экскурсию с музея завода в Кемерове. Здесь была выставлена продукция, которая давно не выпускается, но которая порой все еще соединяется в нашем представлении с обществом слепых: щетки, пимы, бумажные коробки, матрацы. Когда-то Сергей Томилов резко восстал против такого «традиционного» ассортимента. Зачем он нужен, если именно слепые могут делать то, что нередко очень трудно для зрячего. У слепых резко обостряется осязание — они, к примеру, прекрасно собирают миниатюрные детали для радиоэлектроники. Там же, в заводском музее в Кемерове, была сложная продукция сегодняшнего дня, она идет во многие страны мира.

Скептик увидит конвейеры и полуавтоматы, по-настоящему передовую организацию труда... А рядом с предприятием — целый городок: большой детский комбинат, несколько жилых домов, построенных обществом слепых, красивые газоны, пешеходные дорожки с заботливо сделанными ориентирами для незрячих. Я не раз приходил сюда — и один, и с Владимиром Сергеевичем. Бывал в гостях у своих новых знакомых, смотрел в Доме культуры «голубые огоньки» и концерты самодеятельности, которой так гордился Ворошилов, листал в библиотеке свежие журналы — необычно толстые, напечатанные с помощью системы

Брайля, слушал звуковые книги, записанные на магнитную ленту. Здесь я зачастую забывал о Томилове — думал о Владимире Ворошилове.

Жизнь человека далеко не всегда можно измерить цифрами. И все же приведу две — их любил повторять Владимир Сергеевич: когда-то Кемеровское общество слепых выпускало продукции на пятнадцать тысяч рублей, теперь — более чем на десять миллионов. Что цифры! Но я вижу за ними годы: его почти спартанский образ жизни, пятичасовой сон, вечные командировки, планы, о которых он говорил, будто читал стихи, — планы реконструкции старых и создания новых предприятий в Новокузнецке, Белове, Прокопьевске...

Часто спорят о творческом методе писателя: для одних главное — их собственное воображение, другие отправляются в дальние командировки «изучать действительность». Ворошилов же предпочитал простой, на первый взгляд, но, наверное, самый трудный творческий метод: сначала пройти вместе со своими персонажами отрезок жизни, сначала построить эту жизнь, а потом рассказать о ней читателю.

3

Я начал писать о нем документальную повесть и долго не говорил об этом Владимиру Сергеевичу — приходил к нему вечером, задавал вопросы. Ему нравилось размышлять вслух, я доставал тетрадь, записывал. Потом стало стыдно: обманываю слепого; признался во всем. Он не удивился, скорее профессионально заинтересовался — как и что можно о нем написать.

Я листаю сейчас те старые тетради. Не хочу пересказывать — лучше процитировать некоторые записи: в них слышится голос Владимира Сергеевича.

— Когда ослеп совсем, горе все же не было таким беспростивным, как у некоторых моих героев. Не было у меня и такого отчаяния, как у Томилова. Но я писал не автопортрет — собирательный образ. Я хорошо помнил о людях, покушавшихся даже на самоубийство.

— Хотите факт для юмористов? У меня пять заместителей. Но это не проявление бюрократизма. С каждым годом работы все больше. Шумит вовсю дерево, которое три с половиной десятилетия назад было чахлым саженцем.

— Между прочим, у нас на предприятиях прекрасная дисциплина, пьянства среди незрячих почти нет. Потеряв зрение, человек учится контролировать себя. Да, и в этом тоже. Понятно, тут одна из причин...

С годами он все больше тянулся к астрономии. Преречитал всю литературу о звездах, изданную для незрячих. Во-первых, очень скучал по небу. Во-вторых, часто думал о вселенной, о мироздании, о тайне жизни.

Как подросток, любил кино. Сразу после войны ходил в кинотеатр. Потом — «смотрел» телевизор. Кстати, мог легко ликвидировать в телевизоре почти любые поломки, как, впрочем, и в другой радиоаппаратуре.

Возвратился однажды домой после составления годового отчета. «Знаете, чему радуюсь? К нам в общество приходит все меньше новых членов. Ведь зрение у многих людей отнимает война».

Долго говорили об одиночестве, о том, что иногда людям не хватает понимания, как не хватает воздуха.

— Одиночество было всегда, во все времена. Но общество редко сосредоточивало на этом внимание. Хорошо, что мы сейчас много думаем об одиноких. От одиночества можно задохнуться, но все зависит от человека — надо самому устанавливать контакты с миром. А иначе не помогут никакие клубы «Для тех, кому за тридцать». Кстати, вы ведь сами убедились: большинство слепых имеют семьи. Они умеют дышать.

— Человеку мешают мыслить штампы. Привычные стереотипы в понимании мира. Один из таких стереотипов — «Мы умнее природы, мы должны ее покорить». Но природа умнее нас. Любопытно, природа вся состоит из «запчастей», ничто тут не гибнет, а ищет замены в другом. Поймешь это, и уже не увидишь трагедии в слепоте — увидишь только новую форму жизни... Но мы консервативны, потому представляем полноту бытия лишь со светом и цветом. А ведь те, кто рождается незрячим, не знают ни красок, ни того, что такое горизонт.

Он почувствовал, что противоречит себе, своей мечте — прозреть. Добавил: «Конечно, однажды увидев свет, тоскуешь о нем всегда».

Однажды я задал бестактный вопрос: «Почему многие из получивших какую-либо травму хотят стать писателями? Неужели считают, что это так легко?» Я специально огрубил мысль — хотел узнать не только о том, что он думает о других, хотел услышать его рассказ о себе.

Но оказалось, Ворошилова давно волновала эта проблема.

— Действительно, — сказал он, — в литературу идут толпы людей, обездоленных жизнью — безногие и безрукие, слепые, глухонемые; пишут много, пишут часто плохо. Несчастных надо жалеть, однако пожа-

леем и литературу. Этим я обычно и начинаю беседы с начинающими, повторяю: «Для человека пишущего полезнее капля яда, чем ведро лести»...

Он помолчал. Сосредоточенно думал о главном.

— А то, что люди, получившие травму, начинают писать, естественно. Осмыслять пережитое лучше и полезнее на бумаге. Чтобы стать писателем, необходимы две вещи: во-первых, талант, во-вторых, надо быть личностью. Литературное дарование прорезывается порой неожиданно, личность формируется долго. Корчагин не стал бы писателем, сложись его судьба иначе. Но он был личностью, а личность хочет себя выразить.

Снова помолчал, вспомнил сказанное. Решил поправить себя.

— Наверное, я слишком резко говорил о графоманах среди инвалидов. Среди здоровых графоманов не меньше, но зато это им непростительнее. Человек может путешествовать, наслаждаться природой, а он ногами исписывает горы бумаги. Подумайте о трагедиях в этих семьях — почти неизменно приходит озлобленность, зависть к тем, кого публикуют, ощущение, что сам ты не состоялся. Раздражение, надежды, в которые в глубине души не веришь; так проходят годы, жизнь. А рядом — жена, дети. Не хуже ли это слепоты?

Ворошилов внезапно улыбается. Черты его напряженного лица смягчаются. Он вспоминает другую судьбу. Исключение, которое, по его мнению, подтверждает правило. Исключение имеет имя: Иван Иванович Мясников. Вот уже много лет он пишет роман о работе с правонарушителями. Пишет интересно и неумело. Но литературный опыт приходит, как и всякий опыт. Постепенно, говорит Ворошилов, в написанном все виднее живые лица. Написанное Иван Иванович много раз правит, вновь перепечатывая на машинке.

Хотя у него нет руки и давно потеряно зрение. «Верю в Мясникова!» — воскликнул с затаенной нежностью Ворошилов. Наверное, при этом он всё-таки вспомнил о том, как сам начинал в литературе.

А я встретил Ивана Ивановича в сборочном цехе Кемеровского предприятия. Так как у Мясникова нет руки, заводские конструкторы придумали для него специальное приспособление, ему установили и особую, меньшую по сравнению с другими, норму выработки. Меня поразило лицо Ивана Ивановича — спокойное, молодое. Лицо много испытавшего, но не уставшего от жизни человека. Я думал о том, как вечерами — так же молодо и уверенно — он прорыкает особым щиплом дырочки на толстых листах бумаги: пишет свою книгу.

4

Ворошилов долго хотел поступить в Литературный институт. Собирался, готовился, сомневался. Наконец, сомнение победило. Он понял, что институт помешает его работе в обществе слепых. Ворошилов отказался от своей мечты спокойно, без колебаний. Он умел спокойно отказываться от многого.

Но Владимир Сергеевич прошел другой, домашний литературный университет. Он читал по пять-шесть часов ежедневно. Из современных писателей, пожалуй, больше всех любил Валентина Распутина. Мы с ним не раз говорили об авторе «Последнего срока», и я записал как-то монолог Ворошилова:

— Почему выросли такие дети у хорошей крестьянки Анны? Почему собираются у изголовья умирающей матери, плачут, а потом, когда мать, впервые увидев за много лет всех вместе, воистину воскресает, дети огорчены: зря летели и ехали, тратили деньги. Как щедро материнское сердце: старуха Анна даже

понимает своих детей, даже чувствует себя виноватой, даже оправдывается и обещает: умру я, умру... Но дети безжалостно уезжают. Откуда такая жестокость у самых обычных людей? Кто виноват? Почему в «Деньгах для Марии» деньги — деньги! — перевешивают жалость большинства односельчан к ни за что ни про что гибнущей женщине, ее малым детям? Рассутин ставит вопросы — давайте на них отвечать.

...А в конце войны он перечитал, точнее — прослушал всего Мольера, почти всего Шекспира. И не только потому, что сам писал пьесу. Обострилась вдруг тяга к театру.

Я думаю, Ворошилов тогда учился у драматургов ощущению жизни как праздника, бесконечного действия: меняются декорации, приходят новые актеры — праздник жизни продолжается.

ДОРОГИ, ПО КОТОРЫМ ХОДЯТ ВСЕ

1

Его романы логично продолжают друг друга. Я имею в виду не только логику и развитие сюжета — логику развития мысли.

Первый роман Ворошилова «Солнце продолжает светить» пронизывает убеждение автора в том, что человек не может быть одиноким; даже попав в беду, он обязан бороться: с болезнью, несчастьем, но прежде всего — с собой. Нет ничего предрешенного, пока не сломлен твой дух, а лучшее лекарство от одиночества — работа; так было издревле, так будет и всегда.

Во втором романе «...И не погаснет!» — мысль писателя развивается. Люди должны быть счастливы, снова и снова настаивает Ворошилов. Сергей Томилов теперь не просто занимается интересным делом — он

окончательно преодолевает трагическую завершенность судьбы. Он обретает не только товарищей — обретает семью, простые жизненные радости, которые не заменишь ничем.

Почему Ворошилов написал третий роман о незрячих? Конечно, об этом просили читатели, как всегда, не желающие расставаться с полюбившимися им людьми, хотевшие узнать, «что дальше». Однако все-таки не ради этого автор начал роман с теми же героями, но в новую пору их жизни. Владимир Сергеевич был одним из организаторов и участников гуманного, уникального нравственно-социального опыта. Как сформулировать его суть? Писатель пробовал сделать это сам — в своих книгах и прежде всего — в «Капле света».

Сергей Томилов становится здесь педагогом, создает школу восстановления трудоспособности незрячих. Перед нами раскрывается еще одна сторона этой одаренной природы. Томилов пишет научный труд — кандидатскую диссертацию, в центре которой актуальная для всех времен этическая проблема: как вернуть гармонию человеку, которому врачи не в силах вернуть зрение, как достичь жизненной гармонии, если она кажется утерянной навсегда... На многих страницах этой книги я встречал размышления героя, в которых легко узнавал размышления самого автора.

Если можно так выразиться, это роман о педагогике счастья, о реальных дорогах к нему, может быть, о целой системе воспитания счастливых людей.

Известно: именно с помощью зрения человек получает 75—90 процентов информации о нашем мире. Значит, слепота возводит перед личностью почти неизбежный частокол? Нет, потеряв способность видеть, человек многое может как бы возместить. Интенсивнее работают другие органы чувств: слух, осязание, обоняние; в течение веков люди искали и иные

пути «компенсации» слепоты. Вот только один пример.

Давным-давно пытались придумать письменность для незрячих. Об этом можно написать роман — волнующую историю борьбы человеческого духа, прорывающегося сквозь тьму. Буквы мастерили из проволоки, вырезали из дерева, использовали в качестве кода даже обычную бечеву: завязывали узлы, отличающиеся друг от друга по форме. И только с появлением книгопечатания стали делать рельефный, легко осязаемый пальцами шрифт. Было много вариантов. Одну из первых удачных попыток предпринял Валентин Гаюи, основатель парижского института слепых. Однако буквы в его шрифте — обычные буквы латинского алфавита — были очень большими: чтобы прочесть строчку книги, ее приходилось долго ощупывать.

Рельефно-точечный шрифт изобрел Шарль Барбье. Он был офицером: выпуклые точки служили у него военным задачам — были своеобразным шифром, который не случайно назывался «Письмо в темноте». Слепые стали использовать код Барбье, хотя и он оказался неудобен: нужно было обращаться к специальной таблице, слова писались так, как они произносились, не нашел Барбье и обозначений цифр, нот, знаков препинания.

Луи Брайль, создавший прославившую его систему, ослеп в три года: он на себе хорошо чувствовал недостатки всех имеющихся шрифтов для письма незрячих. Знаменитое шеститочие Луи Брайля поистине универсально: легко «приспособливается» для многих обозначений, легко ощущается указательным пальцем. Потомки много раз пытались усовершенствовать азбуку Брайля, но неизменно возвращались на исходные позиции: «система» была создана слепым человеком будто в прозрении — как утверждают, сразу и, по-видимому, навсегда.

В день столетия Луи Брайля его останки были пе-

ренесены в парижский Пантеон — там похоронены многие выдающиеся люди мира. И все-таки лучший памятник Брайлю — тысячи книг для слепых. Разумеется, романы Ворошилова тоже читают незрячие. Они и писались по Брайлю: в первом три миллиона, в последнем — шесть миллионов точек.

Обучение системе Брайля — один из главных предметов в школе восстановления трудоспособности слепых. А что же еще? Ворошилов рассказывает об этих занятиях подробно: он не раз бывал в таких школах, пытался понять их проблемы. Главная задача школы — помочь слепому адаптироваться в окружающей среде. А. М. Кондратов приводит в своей книге о восстановлении трудоспособности слепых учебный план школы: скучные строки вбирают в себя драматизм и радость возвращения человека в мир.

Что это за предметы: «Ориентировка в пространстве», «Самообслуживание и домоводство»? Я знаю об этом не только по научным трудам, не только по книге Владимира Ворошилова. Я знаю слепых, которые одни ходят по городу, причем порой даже без знаменитой трости — по ней мы обычно узнаем незрячих. (Конечно, у разных людей разные способности к ориентировке в пространстве. В таком случае слепому поможет дрессированная собака — специальная школа четвероногих проводников работает в Московской области). Я не раз ел торты, пельмени, приготовленные слепыми хозяйками, не раз поражался уюту в их домах. Нередко незрячими были оба супруга: без чьей-либо помощи они делали привычную в быту работу — покупали продукты, готовили, мыли, стирали, шили, столярничали, одевались, гладили. Всему этому и учат в школе восстановления трудоспособности слепых. Теперь через эти школы прошли уже тысячи людей.

Но, понятно, все эти навыки только способствуют тому, чтобы незрячий чувствовал себя увереннее в

жизни. Главная проблема, доказывает Ворошилов в романе «Капля света», — научить человека быть счастливым.

Остановлюсь на этом странном в данном случае слове: «научить». Человек не автомат, его нельзя за-программировать. Да и не безнравственно ли призывать кого-то радоваться, если ему грустно? Можно научить человека с помощью слуха, осязания «узнавать» предметы, но как научить «перестраивать» свое сердце?

Читая первые два романа Ворошилова, часто вспоминаешь Н. Островского, Макаренко. Читая «Каплю света», я думал о Сухомлинском. Когда-то побывав под Харьковом и Полтавой, где долго работал Макаренко, а потом в Павлыше, где многие годы директорствовал в сельской школе Сухомлинский, я размышлял об удивительном совпадении: в разные годы они жили и искали невдалеке друг от друга. Вот так же «невдалеке» и педагогические взгляды Макаренко и Сухомлинского, хотя их иногда вольно или невольно противопоставляют.

Коллектив воздействует на личность, принуждает человека «перекроить» свою жизнь. Но нельзя забывать и о другом правиле, с давних времен известном науке воспитания: самое глухое сердце открывается добру, сила добра — редкая по мощности сила. Конечно, это знал и Макаренко, как знали и Песталоцци, и Ушинский. Но Сухомлинский поставил эту мысль в центр своей работы, она была стержнем, скрепляющим не только научные труды, публистику, но и школьное расписание, и темы уроков: в Павлышской школе дети писали сказки, на многие занятия первоклассники ходили в лес — узнавали вечную жизнь природы.

Когда задумался Ворошилов о воспитательной силе добра? Читал ли он Сухомлинского? Не знаю, не буду гадать. А то, что многое в их размышлениях схоже, не удивительно; люди одновременно изобретают не

только машины — параллельно, хоть и разными путями, приходят к одинаковому решению нравственных задач. Вспоминая свои педагогические искания, Сухомлинский писал: «Я понял многое, и среди первых открывшихся мне истин была одна: подлинное воспитание — это творение счастья другого человека». Сухомлинский работал с детьми, в каждом ребенке он видел сложную личность, сложный, находящийся в процессе становления мир: в этом мире есть и своя, неповторимая гармония, но есть и трагизм. «Антипод счастья — страдание,— писал Сухомлинский.— Человек несет свои страдания к другому человеку в надежде облегчить боль души... Я убедился, что человеческие страдания — горе, печаль, обида, смятение, одиночество, если они остаются непрочитанными воспитателем и неразгаданными им же (...), делают невозможным воспитание — указание такого личного пути к счастью, когда, достигнув и вкусив счастья для себя, человек прокладывает путь к счастью других, создает всеобщее счастье»¹.

Здесь кратко выражена программа, которой руководствовался в работе педагог Сергей Томилов. Педагогика добра трудна: она требует от воспитателя не только и не столько знания методики, сколько напряжения души. Но эта педагогика единственно возможна, если речь идет о людях, надломленных горем.

Вот первые дни работы школы восстановления трудоспособности слепых. Прибывают все новые и новые ученики.

Председатель колхоза, объезживший на мотоцикле поля и попавший в аварию.

Завмаг сельпо: «стал приходить домой пьяным, де-

¹ В. Сухомлинский. Избранные произведения. Киев, 1980, т. 5, с. 478—479.

боширил. Жена не вытерпела, решила проучить, вроде бы слегка стукнула поленом по голове...»

Пятнадцатилетний лыжник упал, наткнулся на палку...

Кто-то слеп еще с войны.

Кого-то настигла глаукома.

Всех этих разных людей Томилов и его сотрудники приводят в школьные классы. Никто не произносит тромких слов о мужестве — кажется, тебя учат только необходимому. В необычных классах — наглядные пособия, на которых выпукло представлен мир: «Виды животных», «Транспорт», «Макеты зданий», «Рельефные географические карты». А рядом — настоящие полки железнодорожных вагонов, сиденья легковой машины, автобуса, трамвая. В кабинете домоводства стоят электрические плиты, газовая печь, кухонный инвентарь. Во дворе школы есть тротуары с деревьями и даже... стенами домов, участки шоссе, пешеходные дорожки, переходы — все напоминает улицу.

И все же главное «наглядное пособие» школы — это жизнь. Для ее изучения не нужно далеко ходить — нужно просто познакомиться со своими товарищами по школе: заботясь о них, спасаешь себя. Это выходит естественно. Не по принуждению — по необходимости души.

Люди учатся сами и одновременно учат других. Бывший летчик Колчин помогает бывшему врачу Трошиной. Сердце учительницы Ильиной отогревается в заботах о мальчике Олеге, жестоко травмированном судьбой. Любопытно: слепые нередко приходят на помочь зрячим. Ворошилов проследил в своих книгах несколько таких судеб. Он рассказал о девушке Тане: одиночество точно щенку бросало ее от одного берега житейского моря к другому, привело к сектантам. Слепые люди помогли Тане взглянуть в лицо жизни; она вышла замуж за незрячего — заведующего клу-

бом Даниила Кулачкова, стала работать на предприятии общества слепых.

Своебразная цепочка добра открывается во всех романах Ворошилова. А я видел ее в собственной жизни Владимира Сергеевича, в жизни его друзей; один человек протягивал руку другому, и в этом в конце концов находил счастье.

— Что такое счастье? — переспросил он меня.— Каждый понимает это по-своему. И, кстати, по-разному в разную пору жизни. Юность бывает трудна, но потом часто кажется радостной. Иногда летишь куда-то, дни проносятся бесполково, а оглянешься: это и было счастье. Я не раз думал над странным утверждением Пушкина. «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Тут не пессимизм — точное знание: все уходит — молодость, страсти. Ни о чем не пожалеешь, если жил в мире со своей душой, не спорил с человеческим в себе. А это возможно, прежде всего, когда делаешь людям добро.

Конечно, науку добра изобрели не Томилов и не Ворошилов. Ее по-своему формулировали еще создатели библии, основоположники марксизма. Поколения людей передавали идею добра как эстафету, как нравственный завет. Кажется, все так просто. Ближе к людям, ближе к чужим заботам. И ты обретешь то, что ищешь. И все-таки наука добра не проста — надо многое преодолеть в себе. Мне показались почти символичными уроки в школе Сергея Томилова: отрывая от тяжких мыслей, учеников выводят учиться ходить на обычные городские улицы. Эпиграфом к этим урокам можно было бы взять слова Шатобриана, которые так любил повторять опять-таки Пушкин: «Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах».

Я хочу понять логику его пути, восстановить ускользающую нить размышлений о жизни и воспитании. И все время возвращаюсь к нашим беседам, листаю свои беглые записи.

Когда-то поразило: он был удивительно чуток к интонации. Достаточно было отвлечься, о чем-то задуматься, даже не прерывая речи, Ворошилов вскидывал голову, задавал вопрос. Так же хорошо Владимир Сергеевич слышал голоса и в приходивших к нему письмах — в похожих, на первый взгляд, словах различал то боль, то праздное любопытство, то фальшь. По этой причине не любил он многие письма от заключенных: нередко находил в них желание автора покрасоваться, может быть, невольно обмануть и другого, и самого себя.

В литературе Ворошилову было работать по-своему трудно. Иногда не писал годами, иногда, словно что-то прорывало долгое молчание, не отходил от стола часами — за два года создавал большой роман. Владимир Сергеевич рассказывал мне о сложностях, которые незнакомы зрячему писателю: идут годы, меняется мода, меняется интерьер не только квартир — городов; художник должен все это хорошо знать. Были и неудобства, связанные с самой «технологией» творчества: отдельные фрагменты текста приходится переставлять, заменять другими, потому нужно постоянно иметь перед глазами в деталях выполненный чертеж огромного здания — книги. Глаза Ворошилову заменила память, и от постоянного напряжения часто болела голова.

И все-таки писательская работа была для Ворошилова радостью. Он не просто исполнил юношескую мечту — за письменным столом перепроверял собственную жизнь, приходил к важным решениям. Ему ира-

вилось и перевоплощаться в героев — примерять чужую судьбу; конечно, это потруднее, чем примерить костюм — надо «вжиться» в чужой смех и слезы, чужую любовь и отчаяние. В такие минуты Ворошилов вспоминал свое несостоявшееся актерство, а также свои многочисленные роли на самодеятельной сцене. Кстати, он говорил мне, что и на работе, за председательским столом в обществе слепых, ему не раз пригодились уроки, полученные до войны в вечерней театральной студии в Новокузнецке. Почувствовав мое недоумение, объяснил: каждый день приходится решать десятки дел, встречаясь со многими людьми, иногда у тебя плохое настроение, но этого никто не должен заметить. Каждый день он сталкивался с горем, понимал: бестактно бурно выражать сочувствие, достаточно просто пожать руку, помолчать. Конечно, жизнь не театр и дело не в том, что Владимир Сергеевич помнил, сколь красноречивой на сцене бывает пауза — многозначительнее многих диалогов. Дело в том, что как педагог и руководитель он считал необходимым «выстраивать» свое поведение.

Ворошилов очень редко говорил о фронте, еще реже — о себе на фронте. Это шло от скромности, от уважения к погибшим и живым героям; себя он героем не считал. Но однажды, когда мы вели речь о его книгах, Владимир Сергеевич обмолвился: «Летчик Колчин — это я сам, автобиографично все, кроме небурядац в личной жизни». Потом он припомнил многие эпизоды, которые легко выдумать — трудно прожить. Сейчас я перечитал страницы романа, посвященные Колчину, — они воспринимаются как воспоминания автора, как поздно написанный дневник. Здесь подробности первых месяцев войны, горькое недоумение юного летчика: приходится бомбить свои деревни, бывший наш аэродром — теперь там враг; есть и почти протокольное описание того, последнего боя, нерав-

ной схватки с «мессершmittами». Так же, как и Колчин, Владимир Сергеевич очнулся через несколько дней — партизаны следили за ходом боя, видели, как он спрыгнул на парашюте, принесли в свой лагерь. На лице была повязка — сильный ожог. Чаще других, кроме фельдшера, к Ворошилову приходила девушка-связная, они о многом говорили; вскоре девушка погибла на задании. Когда подошли наши войска, его передали в госпиталь. По-моему, Владимир Сергеевич всегда помнил осенний лес сорок первого, землянку, заменившую лазарет, хмурых людей — недавних колхозников, ставших партизанами, только что начавших свой тяжкий путь к победе.

В ту, отдающуюся теперь пору наших встреч с Ворошиловым я преподавал в Кемеровском университете. Мы говорили с ребятами о современной литературе, в семинаре по критике рождались статьи о произведениях, зачастую только что появившихся в журналах. Как-то одна из студенток должна была делать доклад о романах Ворошилова, и я привел весь семинар в общество слепых — пусть сами сравнят жизнь и книгу. Ходили по цехам, знакомились с рабочими, долго говорили с Владимиром Сергеевичем. Потом, уже на занятии в университете, долго спорили, задавали друг другу «трудные» вопросы. Случайно у меня сохранились листки, где я записал высказывания ребят.

«Я смотрела на слепых и думала: а смогла бы я, подобно Ане, выйти замуж за незрячего? Вроде, да и... нет. Нужна любовь — непридуманная, настоящая. Выдумаешь — погубишь и чужую жизнь и свою». (Вера Маркова).

«Томилов, потеряв зрение, не только сам возрождается для новой жизни — помогает возрождению других. Но мне кажется, этому обновлению души как раз и способствует его забота о многих людях». (Сергей Лепихин).

«Мы с Сусанной Симонян долго спорили об образе Ани Тиховой. Почему говорят, что она сильная личность, совершила подвиг? У Ани есть любовь, дети, цель жизни, интересная работа. Лучше посочувствовать одиноким женщинам, которые всего этого лишены. Вот они как раз мужественно преодолевают пустоту своего существования». (Вера Криони).

«По-моему, в жизни есть известная черта между миром слепых и зрячих. Эту черту надо переступить — мы многому можем поучиться у слепых и прежде всего — их умению не сдаваться тьме». (Светлана Писничевская).

Одна девушка — Неля Прянишева — наивно и бестрашно поинтересовалась у Владимира Сергеевича: «А может быть человек с физическим недостатком способен на большее, чем здоровый?»

Я боялся, что вопрос возмутил Ворошилова, но он спокойно ответил:

— Я бы сказал иначе: каждый человек способен на многое. Только часто не знает этого. И не пытается узнать. А несчастье мобилизует все наши силы.

Вспоминая потом эти слова Ворошилова, я вспомнил многих людей. По Дому культуры Кемеровского общества слепых меня водила Вера Петровна Еремина — красивая, модно одетая, уже немолодая женщина. Она остроумно комментировала увиденное нами, непосредственно знакомила меня со своими товарищами. Только потом я узнал: Вера Петровна слепа с полутора лет; она училась на филологическом факультете Ленинградского университета, работала в школе, вышла замуж, теперь — более четверти века — хозяйка Дома культуры. Я не раз встречался с Анной Максимовной Рабец — она тоже не видит с детства, но стала адвокатом, написала и защитила кандидатскую диссертацию, преподает в университете.

Я думал и о людях, с которыми не был знаком лично

но,— по-новому осознал их известный всей стране подвиг. Пытался понять творческую лабораторию слепого архитектора Александра Зотова и скульптора Лины По. Представлял, как Владислав Титов, потеряв после аварии в шахте обе руки, зажимал во рту карандаш — писал свою повесть «Всем смертям назло». Перечитал и книгу психолога О. И. Скороходовой, идущей по жизни во тьме и мертвой тишине: очень рано Ольга Ивановна лишилась зрения, а потом и слуха. Я перебирал в памяти судьбы, биографии, снова и снова соглашаясь с Ворошиловым: человек способен на многое, только мы почти совсем не знаем себя.

3

Работать и верить в добро, добиваться его победы — простое и такое сложное жизненное кредо Ворошилова.

Его романы построены на резких контрастах. Мне кажется, он делал это сознательно: жертвовал полутонаами ради утверждения важной для себя мысли. Свет и тьма, слепота и прозрение. Понятия эти особенны для героев Ворошилова, они воспринимаются не только в прямом смысле — становятся символами в раздумьях людей о жизни.

«Не люблю, когда нас называют слепыми. Мы незрячие. Мы не видим света, но большинство из нас хорошо видит жизнь. Среди вас гораздо больше слепых, не замечающих мира». Кажется, я слышал эти слова Ворошилова, когда читал в «Комсомольской правде» письмо одного студента из Москвы. Я писал в те дни о Владимире Сергеевиче и подумал: эти строки вполне могли быть адресованы автору романа «Капля света», более того — письмо объясняет редкую насущность его книг.

Мечущийся в поисках истины, очень симпатичный в своем признании молодой человек, назвавшийся К. Н., никак не мог понять, что же с ним происходит. «...все есть у меня,— писал студент,— живу в новом районе, в хорошей квартире, есть телевизор, магнитофон, фотоаппарат, одет не хуже других, учусь в институте, который сам же и выбрал и в который всегда стремился, есть родители, которых очень люблю». Все есть у человека, а ему плохо — тоже обычная драма жизни. Человек кажется другим веселым и остроумным, но самому ему хорошо известно: за внешней оболочкой веселости — тоска и пустота. Почему? К. Н. серьезно пытается ответить на этот вопрос, пытается понять себя. «Всю свою пока еще небольшую жизнь любил одиночество. Да и сейчас еще люблю. Но раньше было это «одиночество по желанию», что ли. Имелаась возможность выйти из него, было с кем пообщаться, если одному становилось тягостно».

Жизнь принесла К. Н. распространенное испытание юности: «Сначала потерял любимую девушку, которую бесконечно любил и для которой жил, потом лучшие друзья оказались подлецами. В довершение ко всему стал терять веру в людей. Из одиночества как излюбленного времяпрепровождения попал в одиночество буквально безвыходное». И вот жизнь кажется К. Н. бесконечным полем, до ближайшего жилья не дойти, хотя кругом огоньки домов: «...В городе столько людей — а все чужие. Иной раз увидишь такого человека хорошего! А как подойдешь? Люди в городе просто не привыкли к такому «уличному» способу знакомства. Попробуйте заговорить с человеком на улице о чем угодно, кроме как о месте расположения чего-либо, времени и т. п. От вас шарахнутся! Вот и получается, что в такой массе людей я, в сущности, одинок. Сколько еще таких же одиноких, как и я, мучаются от своего одиночества. Ведь человек тогда

лишь человек, когда светит и греет своим существованием не столько себе и себя, сколько других».

В письме К. Н. есть противоречие: он сам понимает, что человек не может жить только для себя. Понимает: надо сделать шаг вперед из своей одинокой «благополучной» жизни. Шаг навстречу людям. Только как сделать такой шаг, К. Н. не знает.

Я хотел написать студенту, может быть, послать ему книгу Ворошилова. Но тут увидел примечание редакции: К. Н. не оставил своего адреса. Он не решился даже на это: открыв свое сердце, предпочел остаться «одним из многих».

ВЫБОР

1

В романе «Капля света» я и в самом деле нашел ответ на вопрос, заданный мной когда-то Ворошилову.

«Свет, здравствуй!» — называется последняя часть книги. Сергей Томилов получает здесь возможность прозреть. Это менее всего похоже на чудо. Хотя можно сказать по-другому: это «обыкновенное чудо» любви. Жена Томилова, Аня, становится глазным хирургом: она возвращает зрение многим, но все время помнит об одном человеке, ради которого в юности изменила профессию, закончила медицинский институт.

Романтическая история? Но Владимир Сергеевич рассказывал мне, что такой случай был в жизни: молодая женщина из российского городка прошла своими небольшими, но твердыми шагами это «поистине межпланетное расстояние» от мечты до реальности, от работы в школьном классе до ножа хирурга. Легко сказать! Трудно просто представить: дети, учебники, стирка, экзамены, полубессонные ночи... Мечта была рассчитана не на годы — на десятилетия.

Итак, Сергей Томилов снова в больничной палате. Снова операция. Удачная. Томилову уже почти пятьдесят. Уже прошли годы во тьме. Уже позади сомнения, боль, отчаяние. Уже обретена любимая работа. Уже собственные дети стоят на пороге взрослой жизни. И вот родной голос — голос жены и врача — буднично сообщает: «Полежишь, отдохнешь часа три-четыре и можешь смотреть телевизор». И он понимает: «Сказано не в шутку, а всерьез».

Задумаемся о том, что произошло.

Разумеется, «зрение возвращено лишь частично, и существующие таблицы определить его не смогут — так оно мало. Но это уже не тысячные доли — сотки! При таком остатке зрения можно ходить одному, различать лица людей, видеть цвета...

Сергей стоял в палате. И это уже был не сон. То, что сейчас видел он, было слишком устойчивым, реальным, осязаемым. Он попробовал шагнуть и побоялся. Быдны ноги, пол, и теперь к этому надо привыкать, теперь нет черной пропасти. Есть земля и он. Сергей все-таки шагает и не верит. Нога становится на пол, подчиняется зрению, расчету, контролю. Он видит стену и, не доверяя глазу, щупает ее. Стена. Снова осматривается — кровать, стол, окно, за окном — небо... «Неужели вижу?..» — спрашивает он кого-то там, за стеклами окна. Хочется смеяться, как ребенку, переполненному радостью.

Открылась дверь. Это он увидел, а не только услышал. Знакомое лицо. Память сохранила давний отпечаток: черные волосы, черные брови, белая кожа, а глаза карис, родные».

Я с волнением читал эти главы романа — они пронизаны током собственной, не реализованной жажды автора.

Потом Томилов откроет для себя многое. Вернется в мир и — не узнает его. Не узнает дом, где жил, до-

рогу, по которой ходил. Чтобы обрести ориентировку, придется снова закрывать глаза.

Он впервые увидит детей. Вглядится в лица постаревших друзей. Наконец, посмотрит на себя в зеркало: «Поредевшие волосы, а на висках словно пылинки мела — седина... Сергей подмигнул зеркальному близнеццу. — Ну что, наконец, встретились? Здравствуй! — Отражение улыбнулось. Сергей договорил ему: — Долго, браток, тебя не существовало! Кланяйся Ане, она нас с тобой свела. Постараемся больше не расставаться».

Он видит! Но в жизни почти за все приходится платить тяжелой ценой: малейшие физические, а главное, первые перегрузки могут снова вызвать мрак; Томилов должен отгородиться от реального мира реальных забот, должен бросить работу.

Перед героям выбор. Выбор по-своему неожиданный, жестокий: быть зрячим и пребывать в духовном вакууме или снова вернуться во мрак, но при этом оставаться самим собой.

Герой выбирает второе. Единственно возможный для него вариант судьбы.

Еще раньше тот же выбор совершил автор.

Снова скажу то, в чем не сомневаюсь: Ворошилов писал о своем герое, но, конечно, мысленно видел себя. Это не Томилов, а он, как экскурсант, придет на предприятия, которые создавал. Это он так же будет сидеть в мертвой тишине квартиры: дни, отличающиеся только листками календаря; завтрак, обед, ужин; главные события — телевизор, прогулка; молчщий телефон — покой его хозяина, видите ли, нужно оберегать; располневшее унылое лицо все в том же зеркале...

Нет, этот мир, похожий на мир аквариума, был не для него!

Я хорошо помню Владимира Сергеевича в последние годы, последние месяцы его жизни.

Мысли Ворошилова были заняты строительством нового цеха Кемеровского предприятия — строительство срывалось, постоянно надо было что-то улаживать, согласовывать, доставать. Ходил по инстанциям, ему не отказывали, обещали, но трудности называли «объективными» — пришлось долго бороться.

По телефону его можно было застать редко — все в отъезде: то в Москве, то в каком-нибудь поселке или городке области, куда его приводили дела или чье-нибудь отчаянное письмо. Однажды бросил, отложил даже самое срочное — отправился по местам своих старых боев. Наверное, сам почувствовал необходимость вернуться в ту — первую свою жизнь.

В этой спешке, этой бесконечной гонке он начал новую вещь. Не любил рассказывать, о чем пишет, только коротко пояснил: опять герои незрячие, горе приводит их к сектантам...

Его шестидесятилетний юбилей прошел весело, однако Ворошилов был очевидно сосредоточен в те дни на жизни своей души — не стеснялся высоких слов, которые говорили о нем, а сам отвечал необычно серьезно — будто подводил итоги, хотя, понятно, совсем не думал о скорой смерти.

Вспоминая сейчас свои последние встречи с Ворошиловым, вижу его с годовалым правнуком на руках. Странно — они были очень похожи, особенно почему-то улыбкой. Доверчивой, ясной.

Еще вижу его за городом, зимой в скромном дачном домике — поднимающим весело чарку, подхватывающим сразу любую песню; потом в утреннем лесу — отважно и молодо закинувшим голову к небу.

Слово человека порой оказывается насмешливо-жестоким к нему самому. За несколько дней до смерти Ворошилов выговаривал нашему общему товарищу, пожаловавшемуся на сердце: «Эх вы, молодежь! А у меня мотор железный».

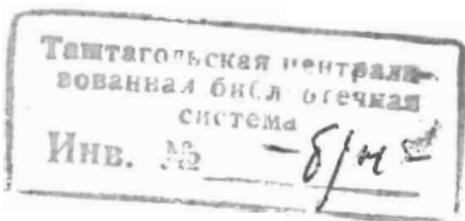
Железных сердец не бывает.

Он умер в пути. Наверное, даже не поняв, что умирает. Он заснул в машине, возвращаясь из командировки. И не проснулся.

Ранней весной на старом городском кладбище я вдруг услышал, что кто-то сказал о Ворошилове: счастливая смерть.

Невольно поправил про себя: счастливая жизнь! Я думал про тот яркий тревожный свет дерзания, который всегда освещал его путь.

И еще подумал: а как пройдем мы отпущенные нам годы? Будем ли так же счастливы, так же правдивы перед жизнью? Не заблудимся ли во тьме суетливых дней?

ОГЛАВЛЕНИЕ

4	Две жизни Владимира Ворошилова
9	Письма
14	Прозрение
28	Дороги, по которым ходят все
42	Выбор

Цейтлин Е. Л.

Ц29 Свет не гаснет. Документальное повествование о Владимире Ворошилове, писателе и человеке.— Кемерово: Кн. изд-во, 1984, 48 с.
5 к., 5000 экз.

Е. Л. Цейтлин, кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР, рассказал о жизни и творчестве кузбасского прозаика Владимира Ворошилова, автора широко известных романов «Солнце продолжает светить», «И не погаснет!..», «Капля света». Потеряв зрение в бою с фашистами, В. Ворошилов сумел стать в строй, обрести счастье и помочь тысячам людей, потерявшим зрение.

Ц 70302—12
M145(03) 84 26—84 4603010102

ББК 83.3(2)7
Ц29

Евсей Львович Цейтлин
СВЕТ НЕ ГАСНЕТ

Документальное повествование
о Владимире Ворошилове,
писателе и человеке

Редактор *Л. В. Глебова*
Художник *А. С. Ротовский*
Художественный редактор *В. П. Кравчук*
Технический редактор *Г. Н. Манохина*
Корректор *Н. Ф. Бизина*

ИБ № 806

Сдано в набор 14.09.83. Подписано к печати 14.12.83. ОП09415.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 3. Гарнитура Обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 1,76. Усл. кр.-отт. 1,9.
Уч.-изд. л. 1,97. Тираж 5000 экз. Заказ 15744. Цена 5 к.
Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес
издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

5 к.

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1984